

Поскольку мы давно дружим, могу совершенно авторитетно добавить, что он человек редкого трудолюбия, обаяния и безнадёжной интеллигентности.

- Не появлялось хоть раз желание бросить все и уединиться на каком-то хуторке, подальше от прелестей современной жизни? - спросил я на правах друга.

- Нет, подобные мысли меня не посещают. Я все же человек урбанистический и вряд ли такой уж трудоголик, каким ты меня представляешь. Хотя если иметь в виду собственно музыку, то мне она действительно никогда не в тягость, могу заниматься ею хоть сутки.

- Чего же достиг в музыке Георгий Гаранян?

- Обеспеченным, не говоря уже - богатым, так и не стал. Не могу себя считать совсем уж благополучным и в семейном плане, хотя у меня есть взрослая и во всех отношениях прекрасная дочь. Просто меня в жизни, как и в музыке, как-то не очень манили конечные цели. Больше наслаждался движением к ним. Поэтому сегодня в стране много музыкантов, моих соотечественников, которые добились куда большего. Правда, и я все эти годы не сидел сложа руки.

- Вот это самое «не сидел» хотелось бы детализировать. Ведь читатели наверняка знают, что Гаранян в разное время возглавлял симфонический оркестр кинематографии, дирижировал оркестром Эстонского радио, эстрадно-симфоническим оркестром Центрального телевидения и радио, писал музыку к телевизионным шоу, кинофильмам, спектаклям...

- Было дело. Работа в каждом из перечисленных коллективов - частица моей жизни.

- А что вспоминается чаще и теплее всего?

- Конечно же, работа на фирме «Мелодия» в одноименном ансамбле. Это был такой, как мы его промеж себя называли, «негритянский коллектив», созданный директором граммофонной студии Борисом Владимировичем. Мы выполняли там всю «черную», во все не прибыльную работу: и писали музыку, и аранжировали, и исполняли. Раскованно, творчески работали. К нам валом валили артисты, желающие качественно сделать свои вещи. Среди них - Кобзон, Пугачева, Гурченко, Высоцкий, Миронов и многие другие мастера с мировым именем. Не поверишь, но за одну смену мы способны были записать музыку к целому кинофильму, на что иным исполнителям не хватало месяцев. И поскольку мы слыли не только работоспособными, но и безотказными, то на нас валили почти все ленты «Мосфильма» и «Ленфильма» - самых мощных киностудий СССР.

Сам я в те же годы умудрился записать такие известные пластинки, как «Танго Оскара Строка», «Знакомые мелодии», «Бременские музыканты». Вообще, за восемь лет мы выпустили 15 долгоиграющих альбомов, не говоря о мелких пластинках. Аккомпанемента к песням никто не возьмется сосчитать. Тогда же я с громадным удовольствием работал с режиссером Евгением Гинзбургом: мы ставили бенефисы Ларисы Голубкиной, Татьяны Дорониной, Людмилы Гурченко. А уж оставшееся свободное время я отдавал любимому джазу. Интерпретировал, по-своему трактовал классику, за что наполучал пинков от всевозможных музыкальных доброжелателей.

- К «пинкам», как и к «доброжелателям», мы еще вернемся. Сейчас я хотел бы все же обратиться к истокам. Как получилось, что выпускник сугубо технического вуза - столичного станкостроительного института - стал музыкантом? Да еще саксофонистом, да еще в начале пятидесятых, когда за одни симпатии к джазу людей гнали из комсомола, с работы, учебы?

Георгий ГАРАНЯН:

НИ ДЖАЗУ, НИ СТРАНЕ ИЗМЕНЯТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ

Кто хотя бы мало-мальски интересуется джазом, тому вряд ли нужно представлять Гараняна. Георгий Арамович - композитор, автор музыки к десяткам кинофильмов и телевизионных передач. Долгое время был главным дирижером Цирка на Цветном бульваре, президентом Независимого джазового фонда, руководил Московским биг-бэндом. Но прежде всего он блестящий саксофонист, первым из исполнителей на этом инструменте удостоенный звания народного артиста России.



- Музыкантом я стал совершенно случайно. Мама стирала белье учительнице музыки, я его всегда отнесил, и в благодарности за это добрая женщина научила меня сносно стучать по клавишам фортепиано. Естественно, в институтской самостоятельности я взялся играть на рояле и неожиданно для себя преуспел в этом занятии. А однажды завклубом попросил отнестись в ремонт саксофон. Для меня то была диковинка. Дома после починки я ее испробовал и как-то сразу влюбился в этот необычный инструмент, его звук, даже внешний дизайн.

Ты прав, что саксофон в ту пору казался советским людям исчадием ада, продуктом зловредного и тлетворного влияния Запада. Что говорить, если и отец выгонял меня из дома за увлечение «паскудным» музыкальным инструментом! Но я не сдавался, даже осмелился играть на танцевальных вечерах. Конечно, выходило у меня плохо, если не примитивно, однако претензий ни у кого не возникало.

- А на дворе какой год стоял?

- 1953-й. Смерть Сталина, гонения на все неспривычное, необычное в музыке, литературе... Поэтому таких чудачков-саксофонистов, как я, во всем Союзе можно было сосчитать по пальцам. И тут нужно сделать признание. Если бы не встреча с Юрием Сергеевичем Саульским, я бы, скорее всего, дальше любительских упражнений на саксофоне не пошел. А он пригласил меня в свой оркестр при ЦДРИ, поверил в меня. Правда, попал я в коллектив только со второй попытки, поскольку совершенно не знал... нотной грамоты.

Выучил ее потом за пару месяцев - так велико было желание играть в приличном коллективе.

Саульский обратился со мной очень круто, если не безжалостно: часами заставлял играть упражнения для губ, тянуть длинные ноты, особенно в верхнем регистре. И что ты думаешь? Эта сладкая каторга приносила плоды. На Фестивале молодежи и студентов в 1957 году наш оркестр при ЦДРИ многие отметили. Тогда же я получил приглашение в знаменитый оркестр Олега Лундстрема.

- Как раз в этом месте нашей беседы позволю себе процитировать несколько выдержек из специально припасенного и, как представляется, весьма оригинального документа, датированного июлем 1957 года: «В бюро ЦК КПСС по РСФСР. 9 июля т.г. во Всероссийском гастрольно-концертном объединении (ВГКО) состоялся просмотр вновь организованного эстрадного оркестра под управлением О. Лундстрема. Просмотр джаза показал полную неприемлемость многих номеров ввиду их низкопробного содержания и вульгарной манеры исполнения. Хотя эти номера изъяты из репертуара и оркестр стремится к «облагороженности» звучания, но общий дух и характер джаза все же остаются неприемлемыми.

Присутствующие на просмотре «специфические» зрители демонстративно аплодировали, кричали «браво» и бросали реплики, вроде «утопить надо тех, кто запретит такой джаз». Отдел науки, школ и культуры... считает, что создание джаза

О. Лундстрема является серьезным провалом в работе обоих министерств культуры, свидетельствующим о продолжающейся политике идеологических уступок влиянию буржуазного искусства, как это имело место недавно в области литературы (роман Дудинцева «Не хлебом единым»), кино (фильм «Тугой узел»), театр (пьеса «Был ли Иван Иванович»), живописи (декадентская выставка молодых художников)».

- Эта цитата, кстати, демонстрирует, в каких условиях нам приходилось работать, творить. Тогда действительно так было: чем лучше люди о себе заявляли в музыке, литературе, вообще в искусстве, тем хуже к ним относились. Партгосверхушка словно бы специально щелкала тех, кто высовывался - чтобы знали свое место. Мне доставалось и в джазе Лундстрема, и потом в джазе Вадима Лудвиковского (его самого неизвестный председатель Гостелерадио Сергей Лапин выгнал и оркестр разогнал). А чего стоит такой факт: в 1976 году меня принимали в Союз композиторов, и вместо трех обычных инстанций я прошел их целый десяток. Когда был представлен на звание заслуженного артиста, в инстанциях долго и упорно делали вид, будто не понимают, зачем инженеру-станкостроителю артистическое звание.

Но я, откровенно говоря, не большой любитель жаловаться на прошлое, тем более выставлять себя так уж сильно гонимым, расчесывая нанесенные мне царапины до размеров фронтовых ран.

- По скромности, что ли?

- Нет, конечно. Я считаю, как это ни странно прозвучит, но сейчас тот же джаз, к примеру, находится едва ли не в худшем состоянии, нежели при проклятом застое. Наступило время коммерциализации, и без поддержки влиятельных, умных меценатов джаз будет обречен на жалкое существование. Что бы там ни говорили, но его преданными поклонниками все же остаются в основном представители интеллигенции. А их мало - так же, как и любителей классической музыки. То и другое требует ведь работы интеллекта, души. И потом: если раньше все давила партийно-политическая цензура, то теперь утвердился диктат массового вкуса, что для честного творца одинаково вредно.

- Неужели в самом деле картина так удручающа? Ведь за последние годы состоялось фестивальное действо в честь выдающегося американского музыканта Глена Миллера, были достаточно известные мероприятия с участием оркестра Лундстрема, посвященные Утесовскому юбилею, ты и сам даешь отличные концерты... То есть нельзя сказать, что музыкальная жизнь совсем захирела.

- В такой большой стране, как наша, это и невозможно. Но моя озабоченность несколько иного характера. Да, фестивали, конкурсы - это хорошо, только ведь музыке надо жить каждый день! Представь себе: джазовые музыканты получают в месяц чуть больше трех тысяч, что даже к тремстам рублям «застоя» не приравняешь. Во многом поэтому в серьезной музыке сейчас мало идей, нет здоровой, честной конкуренции, наступило какое-то безвременье...

- Хочется верить, что все сказанное к Георгию Гараняну относится лишь отчасти.

- Конечно, мне на судьбу грех жаловаться. У меня своя студия, я как бы маленький бизнесмен. Могу тратить свои гонорары на классную аппаратуру для студии. А чтобы мои коллеги могли лучше существовать в музыке, не без моего участия создан Независимый джазовый фонд, в котором меня избрали президентом. Не все пока у нас идет как хотелось бы, но рук не опускаем.

- А теперь бы несколько слов о твоей семье, которую ты считаешь своим крепким тылом...

- Да, это правда. С Нелли Закировой (она корреспондент НТВ) меня познакомил наш с тобой приятель Арсужа Лобанов, которого я считаю самым известным аукционистом страны. Дочь Нелли, Вероника, - журналистка, работает редактором на «Фабрике звезд». Наши отношения с Нелли довольно быстро переросли в брак. Возможно, и потому, что я ей сразу сказал: колбасы и всего остального у тебя будет сколько угодно, а на цветы не рассчитывай - я по этой части не мастер.

- Долгое время ты работал в Цирке на Цветном бульваре, покойный Юрий Никулин души в тебе не чаял. А как ваши отношения с его сыном Максимом, который сейчас отцовские бразды правления держит в своих руках?

- У меня со старшим и младшим Никулиными всегда были замечательные отношения. Правда, в цирке я уже не работаю, но с Максимом связи поддерживаем. Вообще, цирковая семья мне всегда нравилась. Работа там - душевная улада.

- А то вдруг появились слухи, что Гаранян уехал жить и работать в Соединенные Штаты.

- Что поделаешь, миром продолжают править слухи. Просто я часто бываю в США на гастролях. Жизнь там неплохая, во многих отношениях и получше нашей, но она не для меня. Несмотря даже на то, что дочь моя прекрасно там адаптировалась. Так что я продолжаю работать в своей стране более полувека и менять ее не собираюсь.

Беседу вел Михаил ЗАХАРЧУК